

Горьковская Зинаида Петровна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета, zinagor@mail.ru, Новосибирск

Лейбова Екатерина Константиновна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета, memorika@rambler.ru, Новосибирск

КОМПАРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭПОХИ ПЕТРА I В ИСТОРИОГРАФИИ И В УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ В ШКОЛЬНОМ РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ¹

Аннотация. В статье выделены смысловые контексты (критерии) интерпретации эпохи реформ Петра I в исследованиях, ориентированных на ресурс взаимодействия России и Европы в универсальной перспективе развития, и прослежены варианты их применения на примере темы «Реформы Петра I» в школьных учебниках истории в современном российском образовании. В междисциплинарном исследовании обозначена проблема согласования актуального контекста ресурса исторической науки и практики преподавания истории в школах России.

Ключевые слова: компаративная перспектива исторических исследований; интеллектуальный мир Европы и России нового времени; реформы Петра I; школьный учебник отечественной истории.

Gorkovskaya Zinaida Petrovna

Candidate of Historical Sciences, Docent of the Department of Russian history at the Novosibirsk State Pedagogical University, zinagor@mail.ru, Novosibirsk

Leybova Ekaterina Konstantinovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of the Department of Russian history at the Novosibirsk State Pedagogical University, memorika@rambler.ru, Novosibirsk

COMPARATIVE STRATEGY INTERPRETATION OF THE EPOCH OF PETER I IN THE HISTORIOGRAPHY AND IN THE HISTORY'S TEXTBOOKS OF RUSSIAN EDUCATION IN THE SCHOOL

Abstract. The article was provided semantic contexts the interpretation of the Peter's I reforms in comparative studies focused on the interaction between Russia and Europe in the civilization's development prospects, and was traced versions of their application in the school history's textbooks in contemporary Russian education on the example of the topic «Reforms of Peter I». This variant of the interdisciplinary research was indicated the problem of harmonization of the actual context the resource of the historical science and the practice of history teaching in schools of Russia.

Keywords: comparative perspective of historical research; the intellectual world of Europe and Russia of the new time; the Peter's I reforms; the school textbook of Russian history.

«Сравнительный метод способен оказать историку самую большую помощь, указывая ему путь» – писал Марк Блок [3, с. 73]. Один из таких возможных путей – путь поиска компаративной перспективы исторических исследований, где «ключевой и ныне широ-

ко обсуждаемой проблемой является – выбор критериев и теоретических оснований для сравнения» [18, с. 223]. Согласимся с суждением Л. П. Репиной о том, что «равным образом такая задача ставится и в образовательной практике».

¹ Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 годы.

Ресурс применения компаративной стратегии в историческом познании ориентирует на согласование процессуальности и событийности исторической реальности. Компаративный подход фундаментальной проблемой исследования определяет единство и многообразие человечества. В. И. Тюпа обращает внимание на то, что «степень инновационности уникального исторического события ограничивается процессуальной принадлежностью данного момента Истории: к определённой традиции и к определённой стадии исторического процесса» [22, с. 7–8].

Компаративная перспектива исследования предполагает наличие сравнительно-типологического контекста периодизации исторических потоков и стремится интерпретировать историческую реальность как «всечеловеческий (глобальный) гипертекст, сотканный из ментальных актов человеческого сознания» [Там же.]. Возможность «опираться на глобальное единство человека и человечества с его историко-антропологическими универсалиями», по мнению О. М. Медушевой, открывает возможность каждую эпоху и конкретную ситуацию человеческой деятельности включать в эволюционное целое исторического процесса [13]. Исследуя проблему компаративного описания, Ю. Л. Троицкий делает вывод о том, что сравнение как фундаментальная эвристическая процедура приводит к порождению новых смыслов, которых не было в сопоставляемых феноменах в отдельности. Приращение смысла происходит, вероятно, потому что, благодаря сопоставлению, возникает новый контекст понимания за счет коннотативного шлейфа, который несут сравниваемые события и явления [21].

Обозначив проблему согласования компаративного ресурса исторической науки и его отражения в школьных учебниках по истории России, выделим аспект реформирования России в XVIII веке. Начаты Петром I преобразования уже современниками осознавались не только как коренной перелом в жизни страны или ее переход от одного состояния в другое, но и как вхождение в интеллектуальный мир Европы: чтобы «не явиться», по словам современников, «в зазор всему свету». Петр I активно решал задачи, чтобы изменить вектор развития и, в целом,

восприятие образа России как влиятельного члена европейского сообщества. Как отмечено в историографии, это привело не только к секуляризации характера русско-европейского диалога, но и обозначило проблему понимания категории «общей пользы» в петровском реформировании в двух аспектах: в универсальном варианте, предложенном Европой, или в варианте специфики «пользы для европеизирующейся России». Для Петра I обострилась задача взаимодействия двух составляющих исторического развития: «старины» и «новизны». Данная антитеза «вносила в осмысление русско-европейских отношений фактор времени», который «включал Россию в общее движение европейской цивилизации» [16, с. 236]. По мнению исследователя В. С. Парсамова, «свое для Петра ассоциировалось не столько с европейским, сколько с общечеловеческим, а чужое с национальным» [Там же. С. 237]. Реформы Петра I в историографии получили многозначное прочтение, выделим некоторые контексты интерпретации темы в аспекте компаративной перспективы.

1. Контекст секулярной культуры, порвавшей с традиционными культурными ценностями в аспекте сравнительно-типологической периодизации. Процессы секуляризации, происходящие в обществе нового времени, ведут к выделению личности, индивидуализации и усвоению внешней точки зрения на национальную культуру, что резко смещает понятия своего и чужого. В работах В. М. Живова отмечается, что: «европеизация русской культуры оказывается не столько перенесением, сколько переосмыслением европейских моделей, причем в процессе этого переосмысления меняют свое содержание основные категории и структуры европейской мысли» [7, с. 90–91]. Содержание внешних форм при пересадке на чужую почву теряется и, освободившись от своего привычного внутреннего наполнения, заимствованные формы получают новую творческую способность: из формы выражения они становятся генераторами содержания. В связи с этим выводятся новые ресурсы осмысления не только вопросов «техногенной модернизации», но и «преображения царства» в имперскую Россию. Исследователь Э. Зицер [8], ставит вопрос о том, что данное превращение было не только

предметом бюрократического переустройства, но и переходом в новую веру, то есть столько же преобразованием, сколько и преобразованием. Частью привычного для Московского царства способа репрезентации власти были паломничества Петра I, когда он напоминал подданным о своей роли посредника между небесным и земным промыслом. Реформаторская деятельность Петра I строилась на основе традиций, которые им не всегда искоренялись. «Отношение Петра и к Европе, и к России, достаточно простое на уровне идеологии, значительно усложнялось, когда речь шла о принятии конкретных решений. Здесь на первый план выдвигался принцип утилитарности» – считает В. С. Парсамов [16, с. 237].

2. Согласование европейского цивилизационного опыта и опыта России как взаимодействие интеллектуального мира нового времени, по-прежнему в большей степени, тяготеет к выводам о том, что вхождение России в западное сообщество в качестве равноправного члена сохраняло её политическую независимость и культурную автономию. Вместе с этой историографической позицией существуют и другие варианты интерпретации, наиболее очевидно представленные В. К. Кантором. Он обращает внимание на анализ данной темы в контексте выводов Г. П. Федотова о том, что «с Петра Россия считает своей миссией насыщение своих безбрежных пространств и просвещение своих многочисленных народов не старой, московской, а западноевропейской цивилизацией, универсальной по своим тенденциям» [9, с. 61]. Иными словами, пишет В. К. Кантор, «Петр интуитивно, а может сознательно почувствовал геополитические традиции Руси» и она вернулась к «своему истоку» [Там же. С. 69]. Заметим, что до XVIII века европейские авторы считали Россию азиатской страной, а на протяжении XVIII века этот вопрос дискутировался. Понятие «цивилизация» в историографии часто интерпретируется в наиболее общих для XVIII века смысловых контекстах, реконструированных С. А. Мезиным. Понятию «цивилизированный народ» соответствовало «политичный» или «политический народ», «политическое» состояние составляло оппозицию «варварству» [14, с. 6]. По мере того, как происходила секуляризация по-

нятия просвещение, оно в середине XVIII в. становится синонимом цивилизации. В историографии отмечено, что в XVIII веке идея личной свободы, политических прав, неприятие деспотизма и крепостничества все более привлекала интеллектуалов европейского мира. Так, например, в понимании цивилизации французскими просветителями происходит смена внешних акцентов на внутренние, таких как: необходимость преобразования общества и экономики и создания третьего сословия.

3. Интерпретация универсальной природы содержания нововременного вектора развития в компаративных исследованиях по-прежнему остаётся востребованной, при этом доминирующим аспектом интерпретации является имперский контекст. По мнению В. К. Кантора: «выход государства, даже непрерывно растущего, из его привычной геополитической сферы есть тот момент, когда количество переходит в качество: рождается не новая провинция, но Империя, с её особым универсальным политическим самосознанием» [9, с. 65]. В имперском контексте успешно разрабатываются исследователями проблемы «светской святости» и восприятия политического мифа «как слова и дела», где власть получает дополнительные основания для легитимности и формируются новые практики локализации индивидов в пространстве власти. В историографии сделаны выводы о том, что «смысловое поле государственной доктрины было задано понятием «империя», а на уровне обыденного сознания замысел реформ Петра I воспринимался как «общее ощущение подъёма, связанное с иными перспективами и иным порогом претензий» [10, с. 35]. Обратим внимание на мнение Е. Н. Марасиновой о том, что «император, становится гарантом обеспечения пространственно-географических условий экономического развития страны». Для России объективно данная характеристика «оборачивалось борьбой за новые жизненно важные территории». Эту борьбу подкрепляет необходимость «не только силы оружия», но и необходимость «определить свое место в Европе как европейской державы» [12, с. 133].

Универсальной типологической характеристикой нового времени является оппонирование восточной деспотии с принципом

тотального подавления человека. Цивилизация западного типа ориентировалась на самоорганизацию и деятельностную личность с её правовой защищенностью, а также идею «общего блага» включенных в империю народов. Идея самоорганизации получила в российской действительности разработку в контексте принципов служения государству. Служение России стало критерием ценности человека и не важно, к какому сословию он принадлежал, делает вывод Е. И. Ярославцева. Далее ею предлагается интерпретация понимания Петром I главного ресурса развития страны. Им являются люди, владеющие способами достижения успеха. Для России петровского времени «самовозрастающий в своей ценности социальный ресурс» в контексте идеи служения Отечеству не имеющий пределов самореализации, к сожалению, остался «обезличенный» в социальной практике. Индивидуализм каждого он направил на «общую пользу», но при этом: «механизмов, сохраняющих суверенитет личности, её самодостаточности в обществе не могло появиться, поскольку общество мыслилось как общегосударственный ресурс» [24, с. 164–168].

Ещё одной характеристикой европейской цивилизации, реализованной Петром I, становится ценность человека как автора своей биографии. Присутствующие в историографии интерпретации в основном ориентированы на образ Петра I как цивилизатора России, культурного героя XVIII века, творца новой России и целого народа. В большей степени в историографии оценивается биография политика, который во благо государства моделирует исторический процесс. В связи с этим значима исследовательская позиция А. С. Ахиезера, предложившего оппонировать вывод о том, что Петр I не повысил потенциал диалога субъектов истории, не создал в новой реальности России конвенциональные основания для диалога социума и власти. «Этот усеченный вариант уже не является реформой. Поэтому Петра I трудно отнести к реформаторам. От него остался лишь духовный проблемный стимул для размышлений на секулярной основе о путях развития, об отношении народа и власти, определенный сдвиг к утилитаризму и его ценностям» [2, с. 9]. Другие исследователи считают, что русско-европейский диалог

начатый Петром в системе универсальных типологических процессов нового времени, к сожалению, не обеспечил понимания и ощущения русскими людьми «конвенциональности европейской культуры», но был успешно продолжен на новом уровне Екатериной II [16, с. 237].

Безусловно, писал М. Блок: «сравнивая одну национальную среду с другой, мы не можем не констатировать здесь ярко выраженные расхождения; как мы скоро увидим, в этом состоит едва ли не главный интерес сравнения; но одновременно оно заставляет нас подходить к тому первоначальному порыву, которым и были вызваны к жизни столь разнообразные результаты» [3, с. 75]. Данный вывод применим и для интерпретации темы «Реформы Петра I» в школьном историческом образовании. Согласуем выявленные историографические основания компаративной перспективы исследования с тематическим и смысловым контекстом школьных учебников, применяемых в российских школах.

Ориентируясь на образовательные стандарты основного общего и среднего (полного) общего образования по истории (базовый и профильный уровни), мы обращались, в первую очередь, к учебникам для 7-х и 10-х классов, где тематически присутствуют XVII и XVIII столетия. В них, судя по государственным целевым установкам в области школьного образования, эпоха Петра I раскрывается через следующие тематические единицы: Петровские преобразования. Северная война. Провозглашение империи. Абсолютизм. Формирование чиновничье-бюрократического аппарата. *Отмена патриаршества*. Дворянство – господствующее сословие. Традиционные порядки и крепостничество в условиях развертывания модернизации. *Дискуссии о месте и роли петровских реформ в истории России* [20, с. 3]*.

В разных вариантах учебников по истории, рекомендованных к использованию в школьном образовании, прослеживается несколько объяснений для интерпретации мотива петровской европеизации России. Истоки увлечения достижениями европейской

* Курсивом выделены темы повышенной сложности, которые носят скорее рекомендательный, чем обязательный характер.

цивилизации представлены следующими версиями:

– военным и морским «забавам» Петра I учили иностранцы, жившие неподалеку, в Немецкой слободе. «Здесь он и прикоснулся к европейскому быту, к иностранной культуре» [17, с. 114], «В немецкой слободе началось его постижение Европы» [19, с. 114], «Немецкая слобода – ступень к Петербургу, как Владимир был ступенью к Москве» [1, с. 128].

– с европейской культурой Петр I впервые столкнулся во время Великого посольства. «С неминуемой энергией государь впитывал в себя дух европейской жизни, многое узнал и многому научился. ... По сути, деятельность Великого посольства способствовала первому настоящему прорыву России в Европу» [17, с. 117–118], «Царь путешествовал по Европе в поисках новой России... В ходе посольства Петр окончательно убедился в необходимости европеизации страны. Это был главный итог поездки. Но чувствовалось, что молодой государь, не имея четких представлений о реформах, хотел сделать Россию хотя бы внешне похожей на Европу» [1, с. 133–134].

– путешествие в Архангельск как второе после немецкой слободы открытие Европы. Здесь молодой царь увидел иностранные суда, конторы, склады, услышал, как звучала речь на разных языках, и был поражен такому диалогу культур [см. подробнее 19].

Рассматривая проблему преемственности европейских знаний и достижений, авторы учебной литературы сообщают о заимствованиях, которые большей частью, происходили на внешнем, а не на внутреннем уровне. Некоторые из авторов школьных учебников обращают внимание читателей на то, что значимая часть категорий европейского мышления не была воспринята молодым царем. «Однако русский царь либо враждебно, либо равнодушно отнесся к европейским демократическим традициям – парламенту, системе народного представительства, выборам. Свобода личности, гражданские свободы, свобода предпринимательства – эти понятия остались для него чуждыми, а именно они лежали в основе европейского прогресса. Он же видел себя российским самодержцем» [Там же. С. 116]. Или: «Петр сделал ставку не на развитие гражданского

общества и освобождение крестьян, а на жестокость и силу, он выбрал тот вариант модернизации, который был меньшим благом для страны» [5, с. 15].

Категория «полезности» является основополагающей при интерпретации мотивов деятельности Петра I. Официальной целью всех его преобразований провозглашалось достижение «общего блага» в универсальной сфере жизни – государственной. Именно об этом пишут многие авторы школьных учебников: «Он круто ломал вековые традиции и устои, нередко прибегая к насилию. Самодержавный монарх, он строил государство, где все подчинялось его воле... Петр считал, что все это он делает для блага государства, от чего, как он полагал, зависело и благосостояние народа. Император торопился, желая поскорее увидеть плоды своих трудов» [17, с. 139]. Приведем другой пример: «Пропагандировалась идея превосходства государственных и царских интересов над всеми остальными, постоянно внушалась мысль о всемогуществе государства, о его полезности для всего общества, для «общего блага» [24, с. 145].

Особый акцент в учебной литературе сделан на то, что общество с трудом принимало подобные перемены. «Сказывалась на людях и психологическая ломка. Новый темп жизни, иные государственные ориентиры, изменения привычного уклада жизни болезненно воспринимались обществом» [17, с. 149]. Еще один вариант предлагается в учебнике В. И. Буганова, П. Н. Зырянова, А. Н. Сахарова: «Нельзя оправдать его грубость, жестокость, вседозволенность и пренебрежение к человеческому достоинству, произвол в политике и быту. Все от него исходящее – для блага государственного и народного. Большинство народа ничего не получило: сотни тысяч людей попали в крепостную неволю, еще большее число людей было обложено увеличенными налогами, поборами, принудительными мобилизациями, работами» [4, с. 41].

Предметом сравнительного анализа в учебниках является и контекст изменений в культуре и быте российского общества петровских времен. Эти изменения неразрывны со словом «европеизация». В качестве новой характеристики российской культуры на страницах школьных учебников обозна-

чено, что «личность художника и зрителя получила большую свободу творчества и оценки» [23, с. 145], т. е. фиксируется установление личностного начала. Значительный акцент делается также на развитие науки, указывается, что Петр I пригласил на службу европейских ученых. Отмечается и чрезмерное увлечение всем иностранным: «русский язык в это время пополнился более чем 400000 иностранных слов» [19, с. 114]. С целью обозначения последствий культурного заимствования, в некоторых учебниках приводятся цитаты русских философов начала XX века, например, В. С. Соловьева о выходе русской культуры из самоизоляции от остального европейского мира, преодоления «замыкания в себе» [23, с. 145]. Авторы одного из учебников по отечественной истории И. Л. Андреев и И. Н. Данилевский делают вывод: «С обретением светского характера русская культура стала ближе европейской, не утратив, однако, своей самобытности. Реформы, проведенные Петром, изменили Россию, приблизив ее к европейским странам [1, с. 158].

Другой смысловой контекст, дающий основание для корпоративной стратегии исследования темы – это сравнение российской и западной цивилизации. Практически все авторы учебников проводят это сравнение: «наверное, Петр осознал, насколько отстала Россия в хозяйстве, культуре, военной области от Европы, и обдумывал преобразования» [23, с. 110], «из-за границы Петр приехал с твердым намерением добиться скорейшего преодоления Россией отставания от западно-европейских стран» [6, с. 103], «Тогда многим русским людям приходилось учиться пристойным манерам» [17, с. 157]. Продолжим цитирование подобных высказываний: «Россия заметно продвинулась вперед по пути развития, сократив свое отставание от стран Западной Европы. Преобразования сделали Россию неизмеримо более сильной, развитой, цивилизованной страной, вели ее в сообщество великих мировых держав, хотя ликвидировать ее отставание не смогли» [4, с. 40]; «Благодаря усилиям Петра модернизация в России приняла характер европеизации, итогом которой стало вхождение России в круг ведущих европейских держав. ... С победой светского мировоззрения произошло куль-

турное сближение с Европой» [15, с. 172]. Петровское наследие авторами большинства школьных учебников интерпретируется как стремительный прогресс, движение вверх, развитие национального самосознания народов России: «Петр ломал устоявшиеся обычаи, традиции, привычки, обогатил старый опыт новыми идеями и деяниями, заимствовал нужное и полезное у других народов» [4, с. 40]; «Правитель России, сумевший в короткий срок благодаря использованию передового европейского опыта вывести страну из системного кризиса» [5, с. 14].

Личность Петра I авторы учебников презентуют в разных терминах: «реформатор», «великий преобразователь», «отец отечества», «Петр Великий – Антихрист», «учитель», но при этом и «ученик» (всегда готов к восприятию нового), «работник вечный он на троне», «лидер», «новатор», «разрушитель и созидатель», «сын своего времени», «яркая индивидуальность во всем», «первый российский энциклопедист». Доминирующим оценочным контекстом для восприятия образа Петра I и его деяний является позитивный контекст: «Царь стал образованным человеком, сумевший поставить свои обширные знания на службу отечеству» [1, с. 128]. Образ разумного монарха, личность великого масштаба ориентируют авторов учебников на называние параграфов соответствующим образом: «начало славных дел Петра». Присутствует и негативная оценка его личности и деятельности, зачастую связанная с методами, которые он избрал для осуществления своих намерений: «При всем демократизме и шутовском самоуничтожении царь проявлял свою волю, железную и несокрушимую во всем» [4, с. 42].

Что касается интерпретации интеллектуальной категории европейского мира: «престиж» (успех), она комментируется в аспекте деятельности Петра I, и наиболее подробно раскрывается в параграфе, где подводятся итоги Северной войны и Россия превращается в империю. При этом многие авторы учебников подчеркивают, что новый императорский титул Петра I признала Европа. Авторы учебников солидарны в том, что «к концу жизни Петр достиг вершины величия. Он вполне заслужил титул императора» [Там же, С. 44]; «Прорубив «окно» в Европу, Петр заложил основы подлинно не-

зависимого существования России, вступления ее в европейскую семью народов» [6, с. 112]. Интересно, что цель Северной войны сформулирована А. А. Левандовским дwoяко: «Встать вровень с европейскими державами, поскольку России необходимо было прорываться к морям. Но задача, которая стояла перед Петром имела и свою оборотную сторону. Поэтому чтобы прорваться к морям, России было необходимо встать вровень с европейскими державами» [11, с. 88]. Как подчеркивает ряд авторов школьных учебников: «После победы в Северной войне Сенат наложил на Петра I императорский титул и звание «отец Отечества». Первое подчеркнуло и божественную природу власти, и его величие, и недостижимый для простого смертного статус. Второе же делало его главой большой семьи российского народа» [5, с. 10]. Петр I, как фигура историко-культурной памяти присутствует в школьных учебниках в описании разных эпох. Более того в оформлении обложки большинства учебников представлен визуальный образ именно Петровской эпохи, воплощенный в его правителе (портрет, памятник Медный всадник и т. д.). Все это свидетельствует о значимости данной эпохи и масштабе восприятия петровских преобразований в практике современного российского школьного образования. Вместе с этим, на страницах школьных учебников прослеживаются различные варианты интерпретации понятия «европеизация»: цивилизация и прогресс; новое время (переход от старого к новому); модернизация.

Компаративная стратегия, представленная в историографии, позволяет говорить применительно к нашей теме об актуализации контекстуальных процессов нового времени наряду с событийными. В учебниках по истории России в большей степени интерпретируется событийная линия, дающая основания для оценочного восприятия и отношения к эпохе Петра I, и в меньшей – тема реформ в широком смысловом контексте нового времени. Проблема прочтения смысловых контекстов нового времени, предложенных в компаративных исследованиях, позволяет обозначить проблему согласования интеллектуального ресурса исторической науки и практики преподавания истории в школах России.

Библиографический список

1. Андреев И. Л., Данилевский И. Н. История России с конца XVI по XVIII век. 7 класс. Учебник. – М.: Мнемозина, 2007. – 248 с.
2. Ахизер А. С. Социокультурные конфликты в России XVII–XVIII вв.: опыт цивилизационного осмысления // Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов (подходы и практики в современных региональных исследованиях): коллективная монография / под ред. В. Н. Худякова, Т. А. Сабуровой. – Омск: ОмГПУ, 2009. – С. 8-23.
3. Блок М. К сравнительной истории европейских обществ / перевод с французского И. К. Стаф // Одиссей: человек в истории. – 2001. – М.: Наука, 2001. – С. 65-93.
4. Буганов В. И., Зырянов П. Н., Сахаров А. Н. История России, конец XVII–XIX век. 10 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. Профильный уровень / под ред. Сахарова А. М. – М.: Просвещение, 2012. – 336 с.
5. Данилов А. А., Горинов М. М., Брандт М. Ю. История России. 10 кл. Учебник для учащихся общеобразовательных учреждений. В 2 ч. Ч. 1. / под ред. Данилова А. А. – М.: Просвещение, 2011. – 320 с.
6. Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России: конец XVI–XVIII век. 7 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. – М.: Просвещение, 2012. – 240 с.
7. Живов В. М. Язык и культура в России XVII века. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 592 с.
8. Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого / Авторизованный перевод с англ. Д. Хитровой и К. Осповата. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 240 с.
9. Кантор В. К. Второе норманнское влияние // Человек между Царством и Империей. Материалы международной конференции «Человек между Царством и Империей: культурно-исторические реалии, идейные столкновения, рождение перспектив». Москва 14–15 ноября 2002 г. – М.: Институт человека РАН, 2003. – С. 60-71.
10. Королев А. Сопас как феномен власти // Человек между Царством и Империей. Материалы международной конференции «Человек между Царством и Империей: культурно-исторические реалии, идейные столкновения, рождение перспектив». Москва 14-15 ноября 2002 г. – М.: Институт человека РАН, 2003. – С. 27-46.
11. Левандовский А. А. История России XVIII–XIX веков. 10 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. Базовый уровень. – М.: Просвещение, 2011. – 256 с.
12. Марасинова Е. Н. Государственная идея в России первой четверти XVIII в. (К истории фор-

- мирования понятий и терминов) // Европейское просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С. Я. Карп, С. А. Мезин; науч. совет «История мировой культуры». – М.: Наука, 2004. – С. 129-149.
13. *Медушевская О. М.* Историческая антропология и антропологически ориентированная история: общность источников познания в науках о человеке // Сайт Российского государственного гуманитарного университета [Электронный ресурс]. URL: <http://cmb.rsu.ru/article.html?id=57957> (дата обращения 5. 01. 2013).
14. *Мезин С. А.* Петр I как цивилизатор России: два взгляда // Европейское просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С. Я. Карп, С. А. Мезин; науч. совет «История мировой культуры». – М.: Наука, 2004. – С. 5–15.
15. *Павленко Н. И., Андреев И. Л., Ляшенко Л. М.* История России с древнейших времен до конца XIX века. 10 класс. Учебник. Базовый уровень. – М.: Дрофа, 2012. – 368 с.
16. *Парсамов В. С.* В семиотическом пространстве русско-европейского диалога (XVIII – начало XIX века) // Одиссей: человек в истории. – 2001. – М.: Наука, 2001. – С. 234–254.
17. *Пчелов Е. В.* История России XVII–XVIII вв. Учебник для 7 класса общеобразоват. учреждений. – М.: Русское слово, 2007. – 280 с.
18. *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
19. *Сахаров А. Н., Боханов А. Н.* История России. XVII–XIX вв. Часть 2. Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. – М.: Русское слово, 2007. – 288 с.
20. Стандарт среднего (полного) общего образования по истории: профильный уровень // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2004. – № 8. – С. 3-11.
21. *Троицкий Ю. Л.* Историческая компаративистика: эпистемология и наррация // Narratorium: междисциплинарный журнал. – 2011. – № 1-2. [Электронный ресурс]. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027590> (дата обращения 5.01.2013).
22. *Тюна В. И.* Историческая реальность и проблемы современной компаративистики: научно-методическое пособие. – М.: РГУ, 2002. – 63 с.
23. *Черникова Т. В.* История России. XVII–XVIII века: Учебник для 7 кл. общеобразоват. учеб. заведений. – М.: Дрофа, 2002. – 272 с.
24. *Ярославцева Е. И.* Петр I и задачи самоорганизации России // Человек между Царством и Империей. Материалы международной конференции «Человек между Царством и Империей: культурно-исторические реалии, идейные столкновения, рождение перспектив». Москва 14-15 ноября 2002 г. – М.: Институт человека РАН, 2003. – С. 164-168.